СУДЬБА НА СТЫКЕ ДВУХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

О. СЫРЦОВА

Ольга Сырцова

Судьба на стыке двух тысячелетий

«Автор»
2026

Сырцова О. Г.

Судьба на стыке двух тысячелетий / О. Г. Сырцова — «Автор», 2026

Книга освещает события жизни одного, очень удивительного поколения - поколения людей, родившихся сразу после войны, юность и молодость которых прошла в советский период,в двадцатом веке, а вторая половина жизни уже в двадцать первом веке.

Остроту сюжету добавляет история любви двух молодых людей, семьи которых оказались в непримиримых разногласиях относительно ВОВ : девушка выросла в семье двух инвалидов войны, а юноша оказался сыном поволжского немца, который воевал в рядах вермахта, против нас, за что и отсидел 10 лет.

© Сырцова О. Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Об авторе 5
Глава 1. Гвоздь в скамейке. Мне пять лет, и всё лето стучит молоток 6
Глава 2. Орущий свёрток. Как я узнала, что меня больше не любят 7
Глава 3. Круглая печь. Первая зима в новом доме 8
Глава 4. В шесть лет. Как меня отдали в школу за то, что я умела читать 9
Глава 5. Папино лицо. Война, которая осталась на нём навсегда 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Ольга Сырцова
Судьба на стыке двух тысячелетий

Об авторе

О. Сырцова — автор, чья жизнь прошла через обе половины эпохи: детство в послевоенном дворе, юность в семидесятых, работа и семья в восьмидесятых, сегодняшний день. «Судьба на стыке двух тысячелетий» — первая книга её прозы.

Глава 1. Гвоздь в скамейке. Мне пять лет, и всё лето стучит молоток

Помню лето — долгое, жаркое, и всё время стук молотка. Я — Аня, мне пять лет, живу с мамой и папой во дворе строящегося дома. Жаркое, пыльное лето мне нравилось. Можно бегать босиком, обливаться водой и пачкаться.

До этого мы жили в дедушкином домике. Низкий, с земляным полом, он был свой, тёплый, обжитой — и всё-таки тесный. Со всех сторон домик был окружен большим садом из старых груш, яблонь, вишен и слив. В нем жили разные птички и бабочки. Я любила этот сад.

Но папа решил строить большой дом на другом участке, на большую семью. Он хотел забрать туда дедушку и бабушку и, кроме этого, он мечтал о сыне, и это в доме знали все, даже я.

Мой папа, Григорий Ильич, был высокий, худой, загорелый до черноты и весь пропах стружкой. Вместе с дедушкой они строили с утра и до позднего вечера. Дед Илья был старше папы на целую жизнь. Оба — фронтовики, прошедшие войну, оба после тяжелых ранений. Двое самых сильных людей, каких я знала на свете, и оба ходили тяжелее, чем следовало их годам.

Их руки я помню раньше лиц. У деда ладонь сухая и широкая, как доска, кулак мощный, ведь он — кузнец. У папы — тяжёлая, но такая, что уже ничего на свете не страшно. Он водитель — междугородник.

Бабушка Надя, папина мама, была у нас центром семьи. Очень добрая и заботливая, она вставала раньше всех и наводила уют: пекла, варила, прибирала.

Мама — Зоя Васильевна, учительница. Она всегда была на работе. То уроки, то педсовет, то внеклассные мероприятия. Даже домой она приносила пачку тетрадей и весь вечер их проверяла. Поэтому я редко помню её в своем детстве. В тот день мы с подружкой Светой играли во дворе с куклами. Укладывали их на скамейку. Серая, ветхая, с торчащими гвоздями скамейка была единственной мебелью на нашей стройке. Я вскочила на неё с разбегу, как вскакивают все пятилетние на свете: чтобы взлететь. И спрыгнула.

Сначала потемнело в глазах. Потом на белом носке расплылось красное пятно, оно росло.

Света громко заплакала — она испугалась крови: «Аня!» И я закричала не от боли, а от этого голоса и от побелевшего лица папы.

Он схватил меня на руки и, прямо в рабочей одежде, испачканный, на велосипеде повез в больницу.

Старый доктор быстро перевязал рану, сделал укол и сказал: «Все обойдется». Так и вышло. Все быстро заросло. Хорошо, что мамы и бабушки не было дома.

Обратно мы ехали долго, не спеша. Пыль стояла за нами столбом, и солнце садилось мне прямо в глаза — красное, большое. По обе стороны тянулись огороды; в одном дворе играли дети, по обочине шли две бабушки, а навстречу бежал наш пес Барсик.

На память остался шрам — белый, круглый… Проведёшь по нему пальцем — и снова то лето: молоток, стружка, папина спина. Всё, что было потом, было потом.

Глава 2. Орущий свёрток. Как я узнала, что меня больше не любят

Всё лето достраивали. На вопрос «скоро?» отвечали: «Скоро.» Скоро — не значит легко: работы хватало всем, и родни понаехало столько, что я путала, кто мне кто.

Кто-то был дядей, кого-то я звала тётей и уже взрослой узнала, что она и вовсе не родня, а соседка, которая помогала. Тогда так и жили: помогали не по родству, а по-человечески.

К концу лета мы въехали.

Дом пах краской, известью, сырым деревом — новой жизнью, если у жизни бывает запах. Я ходила по комнатам и не могла надышаться. Простор, окна большие, во всю стену; к вечеру солнце ложилось на пол красным, и я садилась в это пятно, как в воду, и думала: вот это моё.

А потом, вдруг, принесли орущий свёрток.

В доме сразу стало шумно и тепло по-другому. Все бросили свои дела, заговорили разом, засуетились. Бабушка Надя командовала: «Кипяток поставь! Полотенце дай, чистое!» «Аня, подойди поближе. Смотри — это твоя сестра Катя».

Сестра. Я глядела на маленькое красное лицо, из которого шёл крик, и не чувствовала ничего, кроме стыдной даже потом, через годы, мысли: почему она? Ведь папа хотел мальчика. Хлопотали все. Мама стояла усталая и счастливая; дед Илья впервые за всё лето сидел без дела и улыбался; папа поднял меня на руки, чтобы я лучше видела, — а я думала только о том, что теперь он будет поднимать на руки не меня а малышку в свертке.

Дед Илья заглянул в свёрток и сказал папе: «Опять девчушка? Эх, ты, бракодел.» Но обеих внучек он любил до конца жизни.

Мне не понравилась не Катя — её я и не разглядела, был один крик. Мне не понравилось, что все смотрят в одну сторону, и сторона эта — не моя.

Я тихонько вышла и села на подоконник. За окном падал вечер: пыль стояла в его луче, дальний забор был уже синий, и где-то за домами слышен стук поездов. В доме было светло, просторно, тихо. Все ходили на цыпочках — малышка спала. Мне стало грустно.

Прежде я была одна — и оттого главная. Теперь я стала старшей; никто не объяснил мне, что это тоже про любовь и что старшей быть не хуже, только труднее.

Привыкла я к ней быстро. Катя оказалась не соперницей, а просто маленькой: она кричала, спала и пахла молоком. К зиме я уже знала, где её пелёнки, бутылочка, погремушки. Мы быстро росли. Характером мы были разные и дрались по пустякам — а потом шли друг за дружку. Неразлучными мы остались навсегда.

Но тогда я сидела на подоконнике и знала твёрдо: меня больше не любят. Знала всё то лето. Через много лет узнала, что неправда. Но то лето было моё, и в нём я была права.

Глава 3. Круглая печь. Первая зима в новом доме

Зима в новом доме встала сразу, как только ударили морозы.

Печь у нас была круглая, посреди дома, и топили её углём. Уголь привозили в мешках — тяжёлый, чёрный, с синим блеском.

Папа с дедом сносили мешки в сарай молча, один за другим, и после них на снегу оставался чёрный след, а в доме стоял запах, которому я и теперь не найду названия: тёплый, каменный, надёжный.

Руки становились чёрными, и они долго оттирали их снегом, пока не начинало жечь.

Утром, бывало, ещё темно, а печь уже гудит. Гудит ровно, глубоко, будто в доме дышит что-то большое и доброе. И сразу четыре комнаты — все наши четыре комнаты — стоят тёплые, и можно ходить босиком по крашеным половицам.

На окнах к морозу нарастал лёд: перья, папоротники, целые леса. Я дышала на стекло, протаивала дырку и смотрела, как по белой улице идут редкие прохожие, как дым из труб стоит столбом, как воробьи садятся на забор и сразу улетают.

А ещё в ту зиму я уже читала. Легко, сама, и всё подряд — что читали в семье, то читала и я.

Папа выписывал много газет и журналов. «Известия», «Правда», «Литературная газета» — большие, серые, шершавые листы; их приносили свёрнутыми в трубку, и от них пахло типографской краской и дальней дорогой.

В доме их читали по очереди, и если номер задерживался, папа хмурился, а бабушка Надя говорила: «Почта, почта. Небось снега намело.»

Я разворачивала газеты на полу у печи, ложилась на живот и читала всё: указы, объявления, погоду на завтра, письма в редакцию, про урожай, про новые стройки, про страны, где зимой цветут цветы.

А поверх газет, отдельной стопкой, лежали журналы. «Мурзилку» я читала первой: там были картинки и стихи.

«Вокруг света» — про моря, пустыни и людей, которые живут совсем не так, как мы.

И «Работница» — её читали в доме по очереди и потом обсуждали, потому что в ней писали про всё сразу: про детей, про здоровье, про шитьё и про то, как вести хозяйство.

Многого я не понимала. Слова были взрослые, длинные, как поезда; но сами буквы шли ровно, и от этого на душе делалось спокойно. Было что-то отрадное в том, чтобы лежать в тепле и знать про весь белый свет сразу.

За окном шёл снег, ровно и без конца. Печь гудела. Меня звали к столу — «Аня, иди есть!» — а я не слышала: читала.

Глава 4. В шесть лет. Как меня отдали в школу за то, что я умела читать

В школу меня записали в шесть лет — за то, что я умела читать и считать. Так и сказали в доме: раз читает, чего ей дома сидеть.

Первое сентября было холодное. Ночью прошёл дождь, и утро встало серое, с низким небом; асфальт блестел, листья под ногами лежали мокрые, и чужие букеты пахли сильно и мокро — астры, гладиолусы, тяжёлые от воды.

Мне выгладили коричневое платье и белый фартук с кружавчиками, и я шла в этом всем, боясь помять и не зная, куда девать руки.

В первый класс меня повёл папа. Он был нарядный и веселый; я шла рядом и очень этим гордилась.

Первая учительница, Надежда Ивановна, оказалась его ровесницей. Увидев нас, она сразу похвалила его — за внимание к своему ребёнку. Но спросила, сколько мне лет.

Папа усмехнулся и ответил что-то короткое: «Она у меня читает. Ей шесть. Пусть попробует.» А я держалась за его руку крепче, чем нужно.

Меня взяли с испытательным сроком на месяц. Но потом про это забыли. Я осталась.

Была у меня и сумка, и букварь, и пенал, где лежало всё, что нужно: ручка с пером, карандаш, ластик. Перо я держала неверно, как держат палочку, и долго не могла взять в толк, что буква может выйти неровной не от глупости, а от того, что рука ещё маленькая.

В классе пахло мелом, чернилами и деревом парт. Парты были с откидными крышками, и это оказалось главным богатством: можно было поднять крышку, заглянуть в своё отделение и почувствовать, что у тебя есть собственный дом размером с две ладони.

В дождливые дни от мокрых пальто шёл пар, и весь класс пах сукном и улицей.

Писать мы начинали чернилами, и чернила жили в чернильницах-непроливайках, а промокашка лежала под рукой, чтобы клякса не пошла на весь лист. Я была младше всех и меньше всех, и всё во мне было ещё некрепкое — кроме одного.

Читать и считать я умела, и это сразу сделало меня в классе не хуже других. Дома я справлялась с уроками сама. Никто надо мной не стоял, не проверял, не торопил, никто не спрашивал, выучила ли; я делала всё в своём уголке у кровати, а потом складывала тетради и шла по своим делам. Мама была учительницей, и запах проверенных тетрадей я знала раньше, чем научилась писать: он оставался на её пальцах, на её платье, на всём доме к вечеру. Я видела, сколько за этим стоит труда. Поэтому никогда не приставала со своими уроками.

Я была на год моложе всех — и в школе, и потом в институте. Эта разница так и осталась со мной: я всегда приходила туда, где все уже взрослые.

Училась я хорошо. И сама.

Они ни разу об этом не пожалели — ни в тот год, ни потом. И я тоже.

Глава 5. Папино лицо. Война, которая осталась на нём навсегда

У папы было лицо, исполосованное шрамами. Война оставила свой след. Но я не замечала этого. Для меня он был лучшим папой на свете.

Он об этом почти не рассказывал. Один только раз — и не мне маленькой, а мне взрослой. Мы сидели на кухне, был поздний вечер, в окне чёрное стекло, и он говорил ровно, глядя куда-то мимо меня.

«Шёл бой. Молодые солдаты отстреливались из окопа. Неподалёку ударило — подрыв, и полетели осколки.

«Я почувствовал удар по нижней челюсти, и сразу — контузию: в ушах гул, в глазах мутно.

«В полусознании я побрёл в тыл. Через огонь, через дым, через грохот. Шёл, зажимая челюсть рукой.

«Потом почувствовал: в сапогах хлюпает. Это была моя кровь — она пропитала гимнастёрку и брюки и стекала вниз, в голенища сапог.

«Сознание прерывалось. Я всё равно шёл.

«Мне повезло: я потерял сознание почти у полевого госпиталя. Там меня и нашли.

«Дальше помню плохо.

«Немолодая женщина-хирург, Софья Максимовна, сразу взяла меня на операцию. «Будем спасать мальчишку, — сказала она. — Ишь какой долговязый.»

«Мне влили в рот спирт и крепко привязали к столу — такой тогда был наркоз.

«От острой боли я потерял сознание. Пока я был без памяти, она связала проволокой разорванную нижнюю челюсть и пришила губу.

«Голову забинтовали всю, оставив только дырочку — кормили меня из трубки.

«Когда я очнулся и увидел себя в зеркале, я совсем упал духом. Я был единственным сыном у родителей, а у мамы было больное сердце. Как она выдержит такое?

«Уныние навалилось со страшной силой. И я решил застрелиться.

«Но Софья Максимовна сразу почувствовала неладное. «Ты что, парень, надумал? — сказала она. — Тебе повезло: руки, ноги, голова — всё на месте, и вся жизнь впереди. И женишься ты на самой красивой девушке, и дети будут красивые…»

«Эти слова я запомнил. Они давали мне смысл выжить.»

«Так прошёл год.»

Ему было всего семнадцать в сорок третьем году. (Его отец воевал с сорок первого, с самого начала.) Он прибавил себе один год сам, чтобы взяли на фронт.

Через несколько месяцев получил тяжелое ранение: челюстно-лицевое. Дальше были Ташкент, госпиталь и пять операций; лицо собирали, сколько могли собрать, и оно всё равно осталось исполосованным — не юношеским, не таким, как у других.

За всю жизнь я слышала это один раз. Он рассказывал без жалости к себе — так, как рассказывают про другого человека.

Я не пугалась. У меня было такое папино лицо, и другого я не знала. Помню его щёку под своей щекой, когда он нёс меня на руках; помню, как оно морщилось, когда он смеялся, — и как от смеха шрамы шли вкось, будто по воде пошла рябь.

Другие смотрели и отводили глаза. Взрослые — в сторону, делая вид, что не заметили; дети — прямо, во все глаза. Один раз я поняла это, и мне стало не по себе: как можно бояться самого доброго человека на свете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.